

ИРМАТА АРЪЯР

ТРОН НАД
БЕЗДНОЙ - 2
ЛОРДЫ ГОР

Ирмата Арьяр

Лорды гор. Трон над бездной - 2

«Автор»

2026

Арьяр И.

Лорды гор. Трон над бездной - 2 / И. Арьяр — «Автор», 2026

Лэйрин уже не пешка, но все еще лишь фигура на шахматной доске и подчинена строгим правилам, в которых пытается разобраться. Она начала самостоятельную игру, но как обыграть тех, кто гораздо сильнее, умнее и... древнее? Ей нужна сила, а силу магу огня может дать только искренняя любовь. Но она не смеет любить. И кто полюбит ее, если она носит чужую маску? 7-я книга цикла "Лорды гор", прямое продолжение книги "Лорды гор. Трон над бездной"

© Арьяр И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лэйрин собирает семью	6
Глава 2. Лэйрин против Ордена мариньерок	10
Глава 2. Лэйрин против Ордена мариньерок	15
Глава 3. Дыхание катастрофы	20
Глава 4. Королевские интриги	28
Глава 5. Обед с Ярреном. Взаимные открытия	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирмата Арьяр

Лорды гор. Трон над бездной - 2

Глава 1. Лэйрин собирает семью

Странное дело: у моей матери, помимо меня, был муж и еще шесть дочерей, но я никогда не знала, что такое настоящая семья.

Хотя какое-то подобие семьи окружало мое детство: родная мама Хелина, воспитатель сэр Лорган – совсем чужой человек, которого я по глупости считала если не отцом, то добрым дядюшкой.

Еще по вечерам в горном замке неизменно присутствовали бабушка с дедушкой. Тепла от них не было никакого, и только уже повзрослев, я узнала, почему. Лорд и леди Амелия были воплощенными духами, а не живыми людьми. И подобие жизни им давала кровь моей матери – риэнны рода, горной ведьмы, как ее называл король Роберт, изгнавший жену муж.

Наверное, поэтому воссоединение со средними сестрами, близнецами Бертой и Беатрис произвело на меня такое впечатление.

Я была рада видеть Бес, рада, что она в самом деле раскаялась в своих детских кознях и искренне просила прощения. Даже показалось, что для меня еще возможна настоящая семья.

На миг.

Потому что все изменится, когда я сниму мужское платье и иллюзию мужского тела.

Беатрис наконец приняла меня как брата и короля.

Но она и другие выжившие дочери моей матери никогда не примут меня как младшую сестру.

Сестру, само рождение которой было сплошной ложью.

Так стоит ли жалеть о том, чего никогда не было и не будет?

* * *

Поплутав по лесу, Беатрис вывела нас к лесной сторожке.

Бес солгала нам о подвернутой ноге Берты. В целости была нога. А вот сама послушница монастыря святой Мариньеры – не очень.

Связанная по рукам и ногам, с синяком на скуле, изрыгающая проклятия на языке айров (чему их тут, в монастыре, учили?!), принцесса Берта была заперта в погребе пустовавшего домика лесника. Похоже, слухи о безумии Беатрис не лишены оснований, если она оставила беспомощную сестру в такой глуши. Можно сказать, заживо похоронила.

– Предательница! Дура бешеная! – встретила нас Берта. – Уроды!

– Сама дура! – тут же началась типичная ссора высочеств.

Все как в детстве.

Едва Берту извлекли и развязали, принцессы ринулись в драку, еле их растащили. Из взаимных проклятий и упреков выяснилась следующая картина.

Беатрис, эта паршивая овца в стаде боевых божьих невест, подслушала разговор настоятельницы со священником о том, что, если король Лэйрин, этот безбожник и развратник, воспротивится пострижению сестры в монашки, Берту постригут тайком, а брата, то есть, меня, поставят перед фактом.

Сама Берта, только в монастыре и овладевшая грамотой, мечтала не о солдатской муштре и боевых шрамах мариньерок, а о тишине кельи, древних летописях и чернильных пятнах на руках, и во дворец, как и Беатрис, возвращаться не собиралась.

Ей был предложен компромисс: постриг и пожизненная работа смотрительницей архивов. Выпустить ее из хищных святых коготков тоже никто не собирался в надежде на двойную королевскую благотворительность монастырю на содержание принцесс (вот дуры!).

Беатрис, вдохновленная рассказами Лилианы о добром, умном, замечательном и распрекрасном принце, а теперь уже короле Лэйрине, и о сказочной красоте Белых гор, решила, что не даст совершить сестре своих ошибок, да и собственные неплохо бы исправить. А Берте надо мир посмотреть прежде, чем от него отрекаться.

Берта же отказалась бежать – мол, плевать на мир, душа дороже, а у нее древний свиток не дочитан и летопись не переписана. Впрочем, если и бежать, то от ненавистных боевых мариньерок к каким-нибудь мирным монашкам, например, в монастырь святой Лазарьерры, славившийся целительницами. На том ее Бес и поймала.

Выяснилось заодно, что в детстве обе люто завидовали мне.

Одна – тренировкам на мечях с вейриэнами, вторая – умению читать и писать. И обе страдали, что мне повезло родиться мальчиком, а им – нет.

Что тут скажешь

– Вот и пришлось нам с Лиль похитить эту идиотку, – потупилась Бес, но ни тени раскаяния на нахальном остреньком личике не мелькнуло.

– Сама-то! – сверкнула глазками Берта, растрепанная, как пугало. В отличие от сестры, ее коса была длинной, золотилась до пояса. – Ты-то, вон, постриг приняла, а мне так нельзя?

– А я уже расстрига, – гордо сообщила Бес. – Вышла по уставу, все чин-чином. Пятерых урыла в песочек!

– Довольно! – прекратила я новый виток ссоры.

– А ты кто еще такой? – накинулась Берта на нового врага.

– Наш брат, – прошептала бывшая мариньерка.

Берта побледнела. Тут же вспыхнула маковым цветом и опустилась передо мной на колени и зарыдала.

– Бог услышал мои молитвы! Ты пришел, Лэйрин! Прости нас меня прости!

Мне хотелось убежать подальше, но я положила ладонь на ее голову и осушила ее слезы.

– Уже простил. Встань, сестра. Беатрис, Берта, я неволить вас не буду. Но, милые сестры, вы – принцессы. У вас есть высший долг. И ваш долг даже перед богом отличается от долга других людей, иначе вы не были бы рождены принцессами рода Ориэдра, а бог дал бы вам другую семью. Подумайте над этим. А сейчас мне нужен план монастыря святой Мариньеры. И, чем подробнее, тем лучше. Четверти часа вам хватит, чтобы нарисовать?

Обе с готовностью кивнули.

Бумага и чернила нашлись у запасливого Яррена. Страхнув пыль с покосившегося стола в сторожке, девицы принялись вычерчивать план, Миар начал уточнять наиболее уязвимые места неприступной крепости, а я вышла на свежий воздух – голова кругом от этих междоусобных свар!

Сев на покосившееся, поросшее мохом крыльцо, я подставила лицо солнцу, обдумывая предстоящий разговор с кардиналом. Хуже нет – иметь врагов внутри страны, подтачивающих ее, как черви. Но раздавить их не получится. Не сейчас. Сейчас нужно искать сторонников, а мариньерки, нетрудно догадаться, уважают только силу. А если это будет божественная сила

– Ваше величество, – услышала я голос моего личного рыцаря точнее, рыцаря Айрани.

Открыв глаза, в удивлении обнаружила, что он опустил передо мной на колено, протягивая походную чашу с прозрачной жидкостью.

– Я нашел лесной родник неподалеку. Вода тут хорошая, целебная, попробуйте.

– Разве я распорядился, фье Яррен?

– Нет, но у вас губы пересохли, сир, а вы, как я заметил, обращаете мало внимания на себя.

Его взгляд скользнул по моим губам, и отчего-то они тут же пересохли еще сильнее.

– Ты весьма наблюдателен и предупредителен, фье, – усмехнулась я, взяв чашу. – Отличное качество для личного слуги.

Зачем я унижаю этого гордеца? Не могу понять саму себя Низко это, мой еороль. Недостойно.

Вода действительно была удивительно свежей, холодной и ароматной, и с первым же глотком в меня словно влилась эта свежесть и сила. Уж не поколдовал ли слегка над водой этот чересчур одаренный юноша?

– Слуге полагается по должности иметь такие качества, - он с непроницаемым лицом принял опустевшую чашу, но остался стоять на колене.

– Что-то еще? – подняла я бровь.

– Вопрос, – улыбнулся нахал кончиками губ.

Это у меня вопрос: где он был остаток ночи и какие вести принес Сиарею, если тот не осмеливается меня ими беспокоить?

– Кстати, что такого в отчете, что нельзя знать Таррэ? – спросила я.

– В том-то и дело, что он знает. Не может не знать. Но Сиарей прав, спешка тут недопустима. Это слишком важно. Вы уделите нам время по возвращении?

– Хорошо. – Но горец остался коленопреклоненным, и я подняла вторую бровь. – Говори.

Он оглянулся на сторожку, где вейриэн Миар был занят сестрами Б., но даже голоса не понизил.

– Прошу вас призвать в Найреос моего друга, Дигеро фьерр Эттера. Я надеялся, что он посетит бал, как участник турнира, но что-то произошло. Учитывая, что высший вейриэн Пазрт сейчас в Белых горах, полагаю, Семерка приложила к этому руку.

В сторожке наступила тишина.

– Яррен, я все слышу, – укорил Миар, но выйти не соизволил.

– А я не таюсь, – усмехнулся полукровка.

– Призвать? – нахмурилась я, решив не обращать внимания на внешние раздражители.

– Через огонь. Семерка пока не восстановилась и не может контролировать огненный путь. Диго – ваш младший брат по огненной силе, он придет.

– Зачем он мне здесь? – я с подозрением прищурилась.

– Пока не могу сказать, я связан словом. Но он очень помешает мастеру Таррэ, раз Семерка так не хочет видеть Диго в Найреосе, – тонко улыбнулся Яррен, а в глазах полыхнули яркие солнышки.

Какие тайны, с ума сойти!

– Что ж Пожалуй, я бы увиделся со своим хм младшим братом.

Ну не смешно ли, мой король?

Но фье Ирлари продолжал стоять в той же позе, действуя мне на нервы своим пронзительным взглядом исподлобья! Бесит!

И отчего-то захотелось немедленно стать сероглазой княжной и запустить пальцы в его непокорные вихры.

Совершенно недопустимое желание!

– Что, еще одна просьба? – хмыкнула я, спешно отводя взгляд от светлой макушки личного рыцаря.

– Нет. Вопрос. Вы решили штурмовать крепость, сир?

– Разве это не очевидно?

– Я не могу понять, какой в этом смысл. Ваши сестры уже вне монастырских стен, и ваша - он запнулся.

– Фаворитка, ты хотел сказать?

– Вы не объявили статуса этой девушки, но ее близость к вам тоже очевидна.

– Баронесса Лилиана фьерр Холь – фрейлина моей матери и мой друг. Но да, она примет участие в отборе. За ней – старая кровь Гардарунта, я дам ей честный шанс.

– Благодарю за разъяснение, ваше величество, но зачем вам штурм, да еще столь малыми силами?

– А тебе не кажется, Яррен, что король не должен перед тобой отчитываться? – не сдержала я раздражения.

– Простите мою дерзость, – повинулся он, но глаза опасливо блеснули. Синие сегодня, с яркими солнышками вокруг зрачка.

– Монашки, пренебрегшие именем короля и возводившие хулу, должны быть наказаны безотлагательно.

– Понимаю. Но не лучше ли будет, сир, если их накажет сам Безымянный, а руки короля останутся чисты, и никто впоследствии не посмеет обвинить вас в богохульстве и жестокости к подданным?

Благословен тот час, когда я взяла в свиту этого горца!

Но везти принцессу Берту я ему не доверила. Сложила ладони лодочкой, и в них расцвел радужный цветок послания Сиарею и выпорхнул, метнувшись маленькой молнией в небо. Сверкнул сполох и растаял в солнечных лучах.

Скорость перемещения ласхов оказалась мгновенной. Правда, и расстояние было невелико от того места, где мы оставили часть отряда. Пара секунд, и три молнии ударили с безоблачного неба, озарив лес и распугав птиц, и к сторожке вышли три оседланных тонконогих скакуна для сестер и Лилианы.

Ни к чему плодить сплетни. Развлеклись, и довольно.

Глава 2. Лэйрин против Ордена мариньерок

Через полчаса мы нагнали виконта Холлега, ждавшего нас с пленными мариньерками на холме, соседствующем с тем, на котором возвышался монастырь.

Во всем королевстве не было ничего подобного этой цитадели. Смертный грех — штурмовать такое диво, напоминавшее очертаниями свернувшегося вокруг сокровищницы дракона. Какой гений его сотворил? — залюбовалась я текучими, как вода, изгибами стен и выстреливавшими в небо яркими разноцветными башнями. Некоторые выглядели, как окаменевшие фонтаны, иные — как застывшие водопады, низвергавшиеся с невидимых скал.

Нечеловеческая, мощная архитектура, чуждая и прекрасная. Что-то подобное я видела в долине Лета, когда расцветали на миг цветы гейзеров.

— Странно, что одно из самых значительных творений великого Эльгудо построено именно здесь и сохранилось лучше всех других, — негромко сказал Яррен, любовавшийся крепостью.

— Он был инсеем?

— Да. Но даже на родине моего отца такого не увидишь.

Пока мы предавались эстетическим наслаждениям, племянник канцлера и его рыцари освобождали присмиривших пленниц. Оружие им благоразумно не стали возвращать.

— Что, испугались возмездия божьего, рыцари без чести и совести? — диссонирующей нотой гремел злой голос матиссы Клирры. Ее изуродованное шрамом квадратное лицо перекосилось от ненависти. — Смотрите, смотрите на мощь-то нашу и величие. Вот она где, сила — в Боге Безымянном! А ты мне каким-то королем, безбожником и развратником, тычешь, инспектор выискался. С каких это пор светский хлыщ суется в дела божьих слуг? Мы перед богом и кардиналом ответ держим, а не перед королем и его шавками!

А вот это уже бунт.

Скинув капюшон, я дотронулась до шеи дракона, и сообразительный Эльдер развернулся, неспешно направляясь к монашкам. И остановился, когда Клирра попятилась под моим взглядом.

— Твой кардинал, матисса Клирра, еще будет держать сегодня ответ передо мной, — позаминчивалась я рокошующий голос у волшебного Сиарея. — И я с него спрошу, как допустил он такую дуру до наставничества над моими сестрами. Как посмел использовать их, как заложниц! Как позволил тебе поднимать на принцесс, королевскую кровь, руку! Ты забыла, женщина, что власть короля — от бога? И я на земле Гардарунта — первый после Бога, как все огненные короли с тех пор, как эта крепость встала на колени перед Астаргом фьерр Ориэдра!

— В-в-ваше величество?! — задрожали губы глупой бабы.

— Ты забыла, называющая себя невестой Безымянного, что имя королей Гардарунта в лоне церкви - Священное Пламя. Что ежедневно и еженощно ты должна молить бога, чтобы посланное им на эту землю Священное Пламя горело неугасимо. Что хула на короля — это хула на Безымянного. Оскорбив меня, ты оскорбила его. А за богохульство полагается казнь на костре, зажженном Священным Пламенем. И если весь орден столь дерзок, то предан будет огню целиком, как еретики.

Не для нее я говорила, — для монашек, толпившихся за ее спиной.

— Нет! — всхлипнув, Клирра повалилась на колени. — Я признаю свою вину, сир! Казните меня. Но пощадите невинных дев, молю вас милосердием Безымянного! Пощадите эту красоту! — она махнула рукой с обломанными ногтями на холм с вздымавшимся в небеса каменным чудом.

– За дерзость твою и глупость я лишаю орден святой Мариньеры монаршей милости. Благодарю Безымянного, что я оставляю тебе жизнь, и отвечать тебе перед богом предстоит еще не сегодня. Но лишь затем оставляю, Клирра, чтобы бог сам вразумил тебя. Ступайте и молитесь, матисса. И советую одеться потеплее. Все-таки сейчас середина зимы, а чудо Священного Пламени для мариньерок закончилось...

Склонившись к цветущему кусту шиповника, я сорвала цветок, понюхала и... скормила Эльдеру. Развернув плюющегося дракона, направила его по тропе в противоположную сторону от монастыря, но успела заметить гамму чувств на лице метрессы — от облегчения до тупой злости и лютой ненависти.

Роберт убивал бунтовщиков сразу, а я разговоры разговариваю...

Жаль, конечно, что не осмотрю крепость поближе. В следующий раз как-нибудь. Сейчас у меня на очереди: обед, сестры, кардинал, а на десерт — отбор невест вместо вечерней тренировки.

Спуститься на другую сторону возвышенности мы не успели: позади раздались вопли и ругань, пришлось полюбопытствовать.

Монашки во главе с Клиррой добрались до речушки, протекавшей между холмами, один из рукавов которой был превращен строителями крепости в ров.

Река внезапно взбурлила, снеся бревенчатый настил моста перед носом мариньерок, и тут же обмелела на глазах, превращаясь в болото.

Яррен бесстрастно молчал, наблюдая, как увязают в тине лошади под всадницами. Клирра свалилась первой, провалившись в грязь по пояс. За ней очень избирательно последовали воительницы, посмевавшие поднять руку на Беатрис, принцессу крови.

Тут же повеяло холодом, на поверхности тины образовалась корка наста, сковав упавших ледяными наручниками. Пытаясь вырваться, воинственные монашки сдирали кожу в кровь. А вот лошадей жалко, они не виноваты.

– Сиарей, выпусти, – скомандовала я, когда проклятия Клирры перешли в рыдания.

Холодные невидимые пальцы ласково коснулись моей руки – услышал, мол.

Ломая корочку наста, мариньерки выбрались на тот берег, но там лето внезапно кончилось. Зеленевшая трава стала белой от инея.

Вода, испарившаяся из реки и нависшая тучей над «драконьим» холмом, хлынула на землю, мгновенно превращаясь в снег. Ни снежинки не упало мимо круга, очерченного рвом, всё досталось монастырю и мариньеркам.

Когда они добрались до ворот, те оказались заваленными сугробами до половины высоты. Долго им придется разгребать.

Неплохая тренировка перед боем с кардиналом и стоявшим за его спиной инсейским Первосвященником. Жаль, что вразумлять пришлось слабых женщин. С другой стороны, от них всегда больше шума, пусть ненадолго умолкнут.

– Ваше величество, – зябко поежился племянник канцлера, хотя на нашем берегу по-прежнему припекало солнце и летали бабочки. – Если мы немедленно не отправимся в путь, то опоздаем на обед.

– Первую перемену блюд я, пожалуй, пропущу, а вы, виконт, отправляйтесь во дворец с принцессами и баронессой фьерр Холь. – я оглянулась на принцесс. – Да, кстати, ваши высочества, фрейлина моей матери Лилиана привычна к волшебствам и демонам, а как вы смотрите на то, чтобы полетать на «снежных дьяволах»?

– Ни за что! Грех какой! – заявила Берта, побледнев от ужаса.

– Вот как? Значит, наша сестра Виолетта погрязла в грехе, раз вышла замуж за императора Севера – чистокровного «снежного дьявола», как и все их слуги. И церковь страшно согрешила, одоббив этот брак, – улыбнулась я. – Да и сами вы, дорогие сестры, мечтали выйти замуж за принца Севера, как мне помнится, а он ласх-полукровка.

Берта вспыхнула, а Бес расхохоталась:

– Так ее! Ну, я-то не мечтала, а вот Берта – еще как. Мой царственный брат, мой возлюбленный король, я тебя уже обожаю и полечу за тобой хоть на дьяволах, хоть в ад! Ну, где они? – заозиралась девушка.

– Вообще-то они уже под вами в виде этих роскошных белоснежных коней.

Берта попыталась грохнуться в приличествующей правоверной монашке обморок, но не смогла: Бес уцепила ее за шкуру:

– Не притворяйся, сестра! Насквозь вижу. Ишь, как глазищи-то загорелись от любопытства, а признаться стыдно, – при этом бесстрашная принцесса подмигнула мне.

Как только девушки, глотнувшие для храбрости «Корня солнца», улетели (а визгу-то, визгу с неба было, едва ласхи встали на крыло!), я запалила маленький костер.

Удачно, что я уговорила Миара присмотреть за девчонками. Он, конечно, колебался для виду, но дрогнул, когда я шепнула: «Страшно представить, что натворит Бес под воздействием бальзама! Только ты и сможешь с ней справиться, мастер Миар. Виконт Холлег не выстоит, он всего лишь человек и мой ровесник».

Осаждать монастырь остались я с Эльдером, Яррен на таком же замаскированном снежном драконе и Сиарей с подчиненными. Последние уже давно были морозными ветрами внутри «осаждаемых» стен.

Однако, зрелище барахтающихся в снегу у ворот монашек действовало мне на нервы. Никакой забавы я в этом не находила. Попугали и хватит. Я не хотела делать их своими врагами. Нет чести драться с бабами.

Организовать такую же резкую, как и похолодание, оттепель было несложно.

Спешившись, я встала над костерком и направила жар воздушной волной к монастырским вратам. Немного не рассчитала, и выпавшая снегом река вернулась со склонов холма в русло вместе с мариньерками, смытыми бурным таяньем.

Я испугалась за них так, что забыла об этикете и схватила стоявшего рядом горца за плечо:

– Яррен, они же утонут! Им нужно помочь!

Он вздрогнул. Его мундир задымился в месте прикосновения.

Я отдернула руки, запоздало сообразив, что сняла жаропрочные перчатки, когда только что магичила с огнем, и горец наверняка получил сильнейший магический ожог.

– Ох Скажи Миару, пусть полечит.

Но Яррен, явно сдержавший гримасу боли, лишь дернул уголок губ, процедив:

– Не стоит беспокоиться, сир.

И сосредоточился на монашках. Развел руки так, словно поднимал что-то невидимое, неимоверно тяжелое. Жилка вздулась на его лбу и бешено пульсировала, мышцы напряглись, губы что-то шептали – очень певучее, но с властными нотками.

Волны снова выплеснулись на берег, оставив кашляющих девушек. Сиарей с Эльдером были уже у реки, оттаскивали и помогали им подняться. Одна, две, три считала я. Все, кроме Клирры.

– Нет их настоятельницы, фье Яррен.

– Утонула, – бесстрастно отозвался он.

– Яррен!

– Я не успел, ваше величество. И уже ничего не мог сделать, – упрямо поджал он губы, смело глядя мне в лицо переменчивыми, инсейскими, лживыми по определению, но невероятно честными глазами.

– Она была мне нужна! – рассвирепела я. – Нужна вот такая – тупая и упрямая, как вол. Потому что именно таких твердолобых легко сломить и впрячь в любую повозку, и они

повезут ее с не меньшим рвением. А теперь получится, что ее, как самую достойную божью невесту взял к себе Безымянный бог, отразившийся в водах. Ты должен лучше меня знать вашу инсейскую религию.

– Она пришла от нас, но не наша, – дернул он плечом.

– Неважно. Утопленницы в ней почти святые! А уж Клирру кардинал сегодня же объявит великомученицей, пострадавшей за веру, и это будет мое поражение!

Яррен устало прикрыл глаза ресницами. На миг. И снова взглянул прямо, на грани дерзости.

– Я действительно не мог ее спасти, сир. Она была мертва еще на берегу, и я занялся живыми. Но я не снимаю с себя вину за то, что не воспрепятствовал ее намерениям и допустил ее гибель.

Он вздохнул, понунив плечи. Я знаком велела продолжать.

– Договаривай.

– Она пыталась присосаться и хлебнуть моей магии, как пиявка крови, но... я еще и риэн. Моя магия для нее оказалась страшнее яда. Ее не объявят великомученицей, смею уверить. Святými объявляют тех, чьи тела найдены нетленными. И при желании могут объявить тех, кто не найден. А матиссу могут признать лишь как отвергнутую божью невесту. Она слишком переоценила себя.

Полукровка резко махнул рукой, вздыбив речную волну, а когда она схлынула, на почерневшей от мороза и оттаявшей траве, лежало чудовищно распухшее тело Клирры. И жуткие пятна гнили и слизи покрывали его, словно она уже давно была мертва.

Монашки закричали от ужаса и побежали к воротам обители.

Опять все мои планы провалились к демонам! Разводить чудеса в самом монастыре уже не имело никакого смысла.

Только вне его стен.

И вдруг тело Клирры охватил черный, с ядовито-зелеными проблесками, дымок, – словно гнилушка затлела.

Яррен мгновенно вскинул руки, и из них в чудовищные останки ударила ослепительная молния. На земле остался лишь оплавленный знак Безымянного.

Эльдер за этот миг обернулся вокруг меня ледяным коконом и ошетирил шипы.

Я покачнулась. Мое сердце заполошно стучало где-то в горле. А ведь я ни искры к чудовищной метаморфозе трупа не приложила, клянусь!

Или

«Смерть знает»

Мариньерки, не успевшие укрыться за воротами, взвизгнули, запоздало схватились за святые береги.

Что это было? Еще один привет от Азархарта? Теперь я буду получать их каждый день, как только темный владыка почует слабинку в щите Роберта? А пропитанная водной магией земля древней обители – дыра в его щите.

– Эльдер, пусти.

Ласх нехотя распустил кольца.

Я поймала странный взгляд Яррена. Что, мой испуг так виден? Да, младший ученик Рагара – трус. Живи теперь с этим знанием.

Я безумно боюсь темной силы в самой себе.

Потому что Семерка достанет меня в тот же миг, как наследие Аархарта проснется. Даже если никого из высших нет в пределах видимости.

Могла бы заподозрить: слишком легко Миар меня оставил.

Я шагнула к костру, простерла руки и создала из его искр огромную огненную фигуру Роберта. Пламенный фантом в небе колыхнулся, расплылся алым облаком, но я уже пришла в себя и вылепила новую фигуру, еще ярче.

Огненный Роберт повернулся спиной к каменной громаде монастыря. И медленно, вырастая в размерах, отправился прочь по своей земле, благословляя ее своей пылкой душой.

В тот же миг погасли все свечи и очаги внутри стен обители Ордена святой Мариньеры. Я наложила запрет на огонь.

Отныне единственный огонь, который смогут найти мариньерки для своих нужд – вот этот маленький, но негасимый костер на месте, где стоял их король.

Придется им присмотреть за его неугасимостью.

И даже часовню возвести над ним. А я подскажу кардиналу, чьим именем ее назвать.

С малого зерна и больших чудес начнет расти новая вера, объединяющая пламя в очаге Эальра, а не разделяющая его. На угольки.

Так, мой король?

Глава 2. Лэйрин против Ордена мариньерок

Через полчаса мы нагнали виконта Холлега, ждавшего нас с пленными мариньерками на холме, соседствующем с тем, на котором возвышался монастырь.

Во всем королевстве не было ничего подобного этой цитадели. Смертный грех — штурмовать такое диво, напоминавшее очертаниями свернувшегося вокруг сокровищницы дракона. Какой гений его сотворил? — залюбовалась я текучими, как вода, изгибами стен и выстреливавшими в небо яркими разноцветными башнями. Некоторые выглядели, как окаменевшие фонтаны, иные — как застывшие водопады, низвергавшиеся с невидимых скал.

Нечеловеческая, мощная архитектура, чуждая и прекрасная. Что-то подобное я видела в долине Лета, когда расцветали на миг цветы гейзеров.

— Странно, что одно из самых значительных творений великого Эльгудо построено именно здесь и сохранилось лучше всех других, — негромко сказал Яррен, любовавшийся крепостью.

— Он был инсеем?

— Да. Но даже на родине моего отца такого не увидишь.

Пока мы предавались эстетическим наслаждениям, племянник канцлера и его рыцари освобождали присмиривших пленниц. Оружие им благоразумно не стали возвращать.

— Что, испугались возмездия божьего, рыцари без чести и совести? — диссонирующей нотой гремел злой голос матиссы Клирры. Ее изуродованное шрамом квадратное лицо перекосилось от ненависти. — Смотрите, смотрите на мощь-то нашу и величие. Вот она где, сила — в Боге Безымянном! А ты мне каким-то королем, безбожником и развратником, тычешь, инспектор выискался. С каких это пор светский хлыщ суется в дела божьих слуг? Мы перед богом и кардиналом ответ держим, а не перед королем и его шавками!

А вот это уже бунт.

Скинув капюшон, я дотронулась до шеи дракона, и сообразительный Эльдер развернулся, неспешно направляясь к монашкам. И остановился, когда Клирра попятилась под моим взглядом.

— Твой кардинал, матисса Клирра, еще будет держать сегодня ответ передо мной, — позавидовала я рокошующий голос у волшебного Сиарея. — И я с него спрошу, как допустил он такую дуру до наставничества над моими сестрами. Как посмел использовать их, как заложниц! Как позволил тебе поднимать на принцесс, королевскую кровь, руку! Ты забыла, женщина, что власть короля — от бога? И я на земле Гардарунта — первый после Бога, как все огненные короли с тех пор, как эта крепость встала на колени перед Астаргом фьерр Ориэдра!

— В-в-ваше величество?! — задрожали губы глупой бабы.

— Ты забыла, называющая себя невестой Безымянного, что имя королей Гардарунта в лоне церкви — Священное Пламя. Что ежедневно и еженощно ты должна молить бога, чтобы посланное им на эту землю Священное Пламя горело неугасимо. Что хула на короля — это хула на Безымянного. Оскорбив меня, ты оскорбила его. А за богохульство полагается казнь на костре, зажженном Священным Пламенем. И если весь орден столь дерзок, то предан будет огню целиком, как еретики.

Не для нее я говорила, — для монашек, толпившихся за ее спиной.

— Нет! — всхлипнув, Клирра повалилась на колени. — Я признаю свою вину, сир! Казните меня. Но пощадите невинных дев, молю вас милосердием Безымянного! Пощадите эту красоту! — она махнула рукой с обломанными ногтями на холм с вздымавшимся в небеса каменным чудом.

– За дерзость твою и глупость я лишаю орден святой Мариньеры монаршей милости. Благодарю Безымянного, что я оставляю тебе жизнь, и отвечать тебе перед богом предстоит еще не сегодня. Но лишь затем оставляю, Клирра, чтобы бог сам вразумил тебя. Ступайте и молитесь, матисса. И советую одеться потеплее. Все-таки сейчас середина зимы, а чудо Священного Пламени для мариньерок закончилось...

Склонившись к цветущему кусту шиповника, я сорвала цветок, понюхала и... скормила Эльдеру. Развернув плюющегося дракона, направила его по тропе в противоположную сторону от монастыря, но успела заметить гамму чувств на лице метрессы — от облегчения до тупой злости и лютой ненависти.

Роберт убивал бунтовщиков сразу, а я разговоры разговариваю...

Жаль, конечно, что не осмотрю крепость поближе. В следующий раз как-нибудь. Сейчас у меня на очереди: обед, сестры, кардинал, а на десерт — отбор невест вместо вечерней тренировки.

Спуститься на другую сторону возвышенности мы не успели: позади раздалась вопли и ругань, пришлось полюбопытствовать.

Монашки во главе с Клиррой добрались до речушки, протекавшей между холмами, один из рукавов которой был превращен строителями крепости в ров.

Река внезапно взбурлила, снеся бревенчатый настил моста перед носом мариньерок, и тут же обмелела на глазах, превращаясь в болото.

Яррен бесстрастно молчал, наблюдая, как увязают в тине лошади под всадницами. Клирра свалилась первой, провалившись в грязь по пояс. За ней очень избирательно последовали воительницы, посмеявшиеся поднять руку на Беатрис, принцессу крови.

Тут же повеяло холодом, на поверхности тины образовалась корка наста, сковав упавших ледяными наручниками. Пытаясь вырваться, воинственные монашки сдирали кожу в кровь. А вот лошадей жалко, они не виноваты.

– Сиарей, выпусти, – скомандовала я, когда проклятия Клирры перешли в рыдания.

Холодные невидимые пальцы ласково коснулись моей руки – услышал, мол.

Ломая корочку наста, мариньерки выбрались на тот берег, но там лето внезапно кончилось. Зеленеющая трава стала белой от инея.

Вода, испарившаяся из реки и нависшая тучей над «драконьим» холмом, хлынула на землю, мгновенно превращаясь в снег. Ни снежинки не упало мимо круга, очерченного рвом, всё досталось монастырю и мариньеркам.

Когда они добрались до ворот, те оказались заваленными сугробами до половины высоты. Долго им придется разгребать.

Неплохая тренировка перед боем с кардиналом и стоявшим за его спиной инсейским Первосвященником. Жаль, что вразумлять пришлось слабых женщин. С другой стороны, от них всегда больше шума, пусть ненадолго умолкнут.

– Ваше величество, – зябко поежился племянник канцлера, хотя на нашем берегу по-прежнему припекало солнце и летали бабочки. – Если мы немедленно не отправимся в путь, то опоздаем на обед.

– Первую перемену блюд я, пожалуй, пропущу, а вы, виконт, отправляйтесь во дворец с принцессами и баронессой фьерр Холь. – я оглянулась на принцесс. – Да, кстати, ваши высочества, фрейлина моей матери Лилиана привычна к волшебствам и демонам, а как вы смотрите на то, чтобы полетать на «снежных дьяволах»?

– Ни за что! Грех какой! – заявила Берта, побледнев от ужаса.

– Вот как? Значит, наша сестра Виолетта погрязла в грехе, раз вышла замуж за императора Севера – чистокровного «снежного дьявола», как и все их слуги. И церковь страшно согрешила, одоббив этот брак, – улыбнулась я. – Да и сами вы, дорогие сестры, мечтали выйти замуж за принца Севера, как мне помнится, а он ласх-полукровка.

Берта вспыхнула, а Бес расхохоталась:

– Так ее! Ну, я-то не мечтала, а вот Берта – еще как. Мой царственный брат, мой возлюбленный король, я тебя уже обожаю и полечу за тобой хоть на дьяволах, хоть в ад! Ну, где они? – заозиралась девушка.

– Вообще-то они уже под вами в виде этих роскошных белоснежных коней.

Берта попыталась грохнуться в приличествующей правоверной монашке обморок, но не смогла: Бес уцепила ее за шкуру:

– Не притворяйся, сестра! Насквозь вижу. Ишь, как глазищи-то загорелись от любопытства, а признаться стыдно, – при этом бесстрашная принцесса подмигнула мне.

Как только девушки, глотнувшие для храбрости «Корня солнца», улетели (а визгу-то, визгу с неба было, едва ласхи встали на крыло!), я запалила маленький костер.

Удачно, что я уговорила Миара присмотреть за девчонками. Он, конечно, колебался для виду, но дрогнул, когда я шепнула: «Страшно представить, что натворит Бес под воздействием бальзама! Только ты и сможешь с ней справиться, мастер Миар. Виконт Холлег не выстоит, он всего лишь человек и мой ровесник».

Осаждать монастырь остались я с Эльдером, Яррен на таком же замаскированном снежном драконе и Сиарей с подчиненными. Последние уже давно были морозными ветрами внутри «осаждаемых» стен.

Однако, зрелище барахтающихся в снегу у ворот монашек действовало мне на нервы. Никакой забавы я в этом не находила. Попугали и хватит. Я не хотела делать их своими врагами. Нет чести драться с бабами.

Организовать такую же резкую, как и похолодание, оттепель было несложно.

Спешившись, я встала над костерком и направила жар воздушной волной к монастырским вратам. Немного не рассчитала, и выпавшая снегом река вернулась со склонов холма в русло вместе с мариньерками, смытыми бурным таяньем.

Я испугалась за них так, что забыла об этикете и схватила стоявшего рядом горца за плечо:

– Яррен, они же утонут! Им нужно помочь!

Он вздрогнул. Его мундир задымился в месте прикосновения.

Я отдернула руки, запоздало сообразив, что сняла жаропрочные перчатки, когда только что магичила с огнем, и горец наверняка получил сильнейший магический ожог.

– Ох... Скажи Миару, пусть полечит.

Но Яррен, явно сдержавший гримасу боли, лишь дернул уголком губ, процедив:

– Не стоит беспокоиться, сир.

И сосредоточился на монашках. Развел руки так, словно поднимал что-то невидимое, неимоверно тяжелое. Жилка вздулась на его лбу и бешено пульсировала, мышцы напряглись, губы что-то шептали – очень певучее, но с властными нотками.

Волны снова выплеснулись на берег, оставив кашляющих девушек. Сиарей с Эльдером были уже у реки, оттаскивали и помогали им подняться. Одна, две, три... считала я. Все, кроме Клирры.

– Нет их настоятельницы, фье Яррен.

– Утонула, – бесстрастно отозвался он.

– Яррен!

– Я не успел, ваше величество. И уже ничего не мог сделать, – упрямо поджал он губы, смело глядя мне в лицо переменчивыми, инсейскими, лживыми по определению, но невероятно честными глазами.

– Она была мне нужна! – рассвирепела я. – Нужна вот такая – тупая и упрямая, как вол. Потому что именно таких твердолобых легко сломить и впрячь в любую повозку, и они

повезут ее с не меньшим рвением. А теперь получится, что ее, как самую достойную божью невесту взял к себе Безымянный бог, отразившийся в водах. Ты должен лучше меня знать вашу инсейскую религию.

– Она пришла от нас, но не наша, – дернул он плечом.

– Неважно. Утопленницы в ней почти святые! А уж Клирру кардинал сегодня же объявит великомученицей, пострадавшей за веру, и это будет мое поражение!

Яррен устало прикрыл глаза ресницами. На миг. И снова взглянул прямо, на грани дерзости.

– Я действительно не мог ее спасти, сир. Она была мертва еще на берегу, и я занялся живыми. Но я не снимаю с себя вину за то, что не воспрепятствовал ее намерениям и допустил ее гибель.

Он вздохнул, понурился плечи. Я знаком велела продолжать.

– Договаривай.

– Она пыталась присосаться и хлебнуть моей магии, как пиявка крови, но... я еще и риэн. Моя магия для нее оказалась страшнее яда. Ее не объявят великомученицей, смею уверить. Святými объявляют тех, чьи тела найдены нетленными. И при желании могут объявить тех, кто не найден. А матиссу могут признать лишь как отвергнутую божью невесту. Она слишком... переоценила себя.

Полукровка резко махнул рукой, вздыбив речную волну, а когда она схлынула, на почерневшей от мороза и оттаявшей траве, лежало чудовищно распухшее тело Клирры. И жуткие пятна гнили и слизи покрывали его, словно она уже давно была мертва.

Монашки закричали от ужаса и побежали к воротам обители.

Опять все мои планы провалились к демонам! Разводить чудеса в самом монастыре уже не имело никакого смысла.

Только вне его стен.

И вдруг тело Клирры охватил черный, с ядовито-зелеными проблесками, дымок, – словно гнилушка затлела.

Яррен мгновенно вскинул руки, и из них в чудовищные останки ударила ослепительная молния. На земле остался лишь оплавленный знак Безымянного.

Эльдер за этот миг обернулся вокруг меня ледяным коконом и ошетирил шипы.

Я покачнулась. Мое сердце заплотило стучало где-то в горле. А ведь я ни искры к чудовищной метаморфозе трупа не приложила, клянусь!

Или...

«Смерть знает...»

Мариньрки, не успевшие укрыться за воротами, взвизгнули, запоздало схватились за святые обереги.

Что это было? Еще один привет от Азархарта? Теперь я буду получать их каждый день, как только темный владыка почует слабинку в щите Роберта? А пропитанная водной магией земля древней обители – дыра в его щите.

– Эльдер, пусти.

Ласх нехотя распустил кольца.

Я поймала странный взгляд Яррена. Что, мой испуг так виден? Да, младший ученик Рагара – трус. Живи теперь с этим знанием.

Я безумно боюсь темной силы в самой себе.

Потому что Семерка достанет меня в тот же миг, как наследие Аархарта проснется... Даже если никого из высших нет в пределах видимости.

Могла бы заподозрить: слишком легко Миар меня оставил.

Я шагнула к костру, простерла руки и создала из его искр огромную огненную фигуру Роберта. Пламенный фантом в небе колыхнулся, расплылся алым облаком, но я уже пришла в себя и вылепила новую фигуру, еще ярче.

Огненный Роберт повернулся спиной к каменной громаде монастыря. И медленно, вырастая в размерах, отправился прочь по своей земле, благословляя ее своей пылкой душой.

В тот же миг погасли все свечи и очаги внутри стен обители Ордена святой Мариньеры. Я наложила запрет на огонь.

Отныне единственный огонь, который смогут найти мариньерки для своих нужд – вот этот маленький, но негасимый костер на месте, где стоял их король.

Придется им присмотреть за его неугасимостью.

И даже часовню возвести над ним. А я подскажу кардиналу, чьим именем ее назвать.

С малого зерна и больших чудес начнет расти новая вера, объединяющая пламя в очаге Эальра, а не разделяющая его. На угольки.

Так, мой король?

Глава 3. Дыхание катастрофы

В столицу мы возвращались со скоростью урагана, оставив далеко позади моего личного рыцаря, но пронизательнейший Эльдер все-таки успел на лету сунуть ледяной нос в душу:

– Осмелюсь спросить, ваше стремительное величество, что привело ваше сердце в такое смятение, что ваше дыхание обжигает мои крылья? Думается мне, что огорчены вы не ужасной смертью той недостойной вашего волнения монашки.

Именно этим. И не столько ее нелепой кончиной, давшей повод врагам короля объединиться против меня, сколько новым посланием от Азархарта.

Чем больше я думала над происшествием, тем яснее становилось: темные, покидая Гардарунт в Ночь Святых Огней, раскидали какие-то магические «споры», которые прорастали при малейшей возможности. И даже дух Роберта и «Белый щит» не смогли уничтожить их бесследно. Другого объяснения нет.

Там, где коснулась тьма, навсегда остается невидимый шрам.

Зацепка, чтобы вернуться.

А эта избирательность, выбор места и времени, могли означать только одно: мой настоящий отец чувствует темную половину моей крови, как только слабеет контроль белых всеризнов. И огненный дар, переданный мне Робертом, не смог поставить непроницаемый заслон.

Сейчас рядом не было никого из Семерки. Вот в чем дело.

– Прости, Эльдер, – я взяла себя в руки. – Ты прав, друг мой. Я в смятении. Меня напугала магия Яррена. Теперь я видела ее своими глазами. Если какой-то там инсей-полукровка так силен, то что могут чистокровные зеленые маги? Тогда о войне с Западом нечего и думать. Нужно просить их о перемирии и идти на невыносимые уступки, а я... я не могу!

– Рано сдаваться, мой сомневающийся король, – прошелестел снежный буран на самое ухо. – Этот одаренный юноша – не правило, а исключение. Он так силен потому, что за ним – род его матери, горной леди-риэнны, духи предков всех Ирдари. И каждый его талант усиливается, как луч света, попавший в зеркальный резонатор. Но разве за вами нет подобной силы? Да за вами сама королева Лаэндриэль!

– За мной – нет, ты же знаешь. За моей матерью – есть. Это она – риэнна рода, а не я.

– А наша любовь и дружба разве ничего не значат, мой беспамятный король? Разве за вами нет нашей силы?

– Только этим и жива, – вздохнула я. – Хотя иногда кажется, такая жизнь все равно что смерть.

«Жизнь ничего не знает о смерти...». Да, папа?

Это не жизнь, а барахтанье мухи в паутине, и я только затягиваю липкие петли на своей шее.

– А любовь короля Роберта? – возмущенно напомнил мой друг. – Да он наполнил ею целую страну, все небо над ней и всю землю! Ради вас, возлюбленный мой король! Разве вас с ним не связал древний обряд айров? Разве это теперь не ваша сила?

– Да. Да, – прошептала я. – Прости мне минуту слабости.

Дракончик повернул голову на длинной шее, пытаясь заглянуть в глаза.

– Я не знаю никого сильнее вас, мой бесстрашный король... Вы боретесь с рождения, уже почти восемнадцать лет.

– Почти семнадцать.

– Разве? А мне кажется, с такими-то заботами вы за последние два-три месяца постарели не меньше чем на год. Морщинки вот появились...

– Морщинки? – испугалась я. – Где? Эльдер! Ты шутишь?

– Ага, значит, вам не все равно, ваше непоследовательное величество! – Снежный прохвост расхохотался, перекувырнулся в воздухе, едва не уронив драгоценную меня и осыпал радостными сияниями.

Да, время словно мне мстило за кражу в «карманах». Оно вроде бы проносилось стремительно, как звезда по небу – оглянуться не успевала. Но теперь за день я окуналась в такой вихрь событий, каких иному хватило бы на год!

Вот и шпили Найреоса нарисовались на горизонте как-то слишком быстро. После дивных очертаний стен и башен монастыря святой Мариньеры мрачная громада королевского дворца показалась особенно безобразной.

* * *

К моей досаде, Яррен уже ждал во дворце. Когда успел обогнать? Я же оставила его далеко позади! Но тут вспомнила письма Дигеро и его рассказы о тропе духов. За такие мгновенные переносы горцы платят дорого. Каким воспоминанием, интересно, расплатился полукровка? И почему мне это интересно?

– После, фье Ирдары, – кивнула я ему. – Я помню.

Сначала мне надо проверить, как устроились сестры, куда разместили Лилиан, посмотреть и высочайше одобрить текст молебна во славу Роберта Святого, разогнать Регентский совет...

Полукровка сжал челюсти так, что обозначились желваки. Смотрите-ка, изволит гневаться! Пф-ф-ф...

Я перевела взгляд на его плечо, которого так неосторожно коснулась голой рукой. Одежду горец сменил. Но уплотнения от перевязки не видно под черным сукном мундира. Успел залечить? Спрашивать не стала. Сам же сказал, что беспокоиться не о чем. У Эльдера потом поинтересуюсь.

И только вознамерилась пройти мимо, как услышала ласковое:

– Ваше восхитительное величество, не смею настаивать, но лучше бы вам посмотреть отчет Яррена сейчас, – сказал незаметно появившийся Сиарей.

– На ходу посмотрю, давай бумагу.

Яррен развел руки, показывая, что они пусты.

– Отчет не на бумаге и не на словах, сир. Лучше увидеть своими глазами, чем выслушивать тысячу слов.

– Вот как? – Заинтриговал, хитрец. – Ступайте в мой малый кабинет.

Я прошла через огонь, успела наведаться в камин королевской кухни, опустошить кубок с водой и проглотить крохотный кусочек хлеба с сыром – свежий воздух Гардарунта способствует аппетиту. Поделилась с Эльдером, который уже свил себе гнездо в кресле моего кабинета. Не забыла спросить:

– Как рука у твоего друга Яррена? Я его случайно обожгла.

– Нельзя обжечь воду, – фыркнул мой снежный друг. И только я успокоилась, как вредный дракончик добавил: – Разве что вскипятить.

Тут стража доложила о прибывших: начальнике моей охраны и его пока еще подчиненном горце.

А за ними... едва не снеся двери, широким шагом ворвались Таррэ и Миар. Вейриэны просквозили меня пронзительными взорами и приветствовали по этикету, неглубоким кивком.

– Вас я не звал, мастера, – прищурилась я.

– Без нас вам не обойтись, уверяю, – сказал Таррэ.

На удивление, он обошелся без гримас и сарказма. И почему-то мне почудился совсем другой подтекст в его реплике. Имеющий отношение не к нашему мини-совещанию, а к вспышке черного тлена под стенами монастыря святой Мариньеры.

– Начинай, Яррен, – кивнул Сиарей.

Полукровка поставил на стол какой-то удивительный артефакт: пластину с морозными узорами и прозрачный кристалл.

– Это ледяное «зерно памяти», тайное изобретение северян, – пояснил он. – Я его немного усовершенствовал, и теперь вместо пяти часов моего пути вдоль западной границы Гардарунта от Белых гор до шаунской пустыни, на просмотр можно потратить минут десять. Я отобрал самое главное.

И он нажатием утопил кристалл в паз.

Над пластиной вспыхнуло сияние, развернулось в трехмерное видение, и скоро я не могла отличить зрелище от реальности. Стены кабинета лишь слегка просвечивали лепниной и золотом обрамления развешенных по ним картин. Но и их я перестала замечать через пару мгновений.

И проглоченный кусок хлеба с сыром будто превратился в камень и застрял в горле.

Я дышала с трудом.

Вокруг и сквозь меня бушевал ураган с ослепительными молниями, рокочущим громом, ливнем – таким плотным, что мир исчезал на расстоянии вытянутой руки.

Черная вода была вверху, внизу, по сторонам. Водяной смерч. Хаос.

– Уходим, Ирдан! – прозвучал голос Яррена. Такой глубокий и властный, какой я от него еще не слышала.

Через миг тот, кто попал в ураган и едва не утонул, оказался в другом месте – на голой вершине холма или кургана.

Тучи рвались сизыми клочьями, обнажая клочки серого, вылинявшего неба. Шквальный ливень перешел просто в дождь.

Вокруг холма вскипала водоворотами темная вода, сталкивались обломки деревьев, бревна и доски. Кружился треснувший стол с зацепившемся о гвоздь обрывком вышитой скатерти. Кружился и задевал всплывший, раздутый труп утопленника.

Новый прыжок.

Затонувшая деревня, от которой остались только дырявые, полуразрушенные крыши. Плавающий между крышами дохлый скот и мусор. Но хотя бы человеческих жертв... не видно.

Новый прыжок.

Дождь. Стоящие по верхушки в воде леса. Возвышенность с уцелевшим каменным храмом. Открытые двери. И мертвецы, не нашедшие спасения у Безымянного.

– Всё плохо, Ирдан, – глухо сказал тот, чьими глазами смотрели я, Сиарей и Эльдер. – Заметь, ни одного служителя мы не видели, успели уйти. Ищем храмы. Может, сможем кого-то увести в горы нашей тропой. Там помогут.

– Я даже не попрошу за это платы, потомок, – ответил чей-то голос.

Внезапно иллюзия исчезла. Я даже зажмурилась, осознав, что вокруг – твердые стены кабинета, а не угрюмые серые просторы, где земля и небо поменялись местами.

Яррен щелкнул по ледяному кристаллу, он выдвинулся из паза и потускнел. Полукровка выглядел таким же погасшим. Хрипло сказал:

– Это основное, что я должен был вам показать, ваше величество.

Вот почему у него было такое каменное лицо, когда я отмахнулась утром от его доклада! Повела себя не как государь. И не как... второй ученик нашего учителя. Не почувала важности. Не поняла. Разве стал бы Яррен дергать меня по пустякам?

– Вы знали? – Я повернулась к Таррэ и разжала кулаки. Лунки от впившихся в кожу ногтей окрасились кровью. Обычной. Не огненной.

– Знали. – Белоглазый кивнул и дернул себя за белую прядь. – И ты бы знал, король, если бы не развлекался на турнирах и балах, ухлестывая за сомнительными девицами, а следил бы за вверенной тебе Робертом границей. Не у тебя ли охранные башни есть для этой цели? Они для охраны, а не для того, чтобы прятаться от нас.

Я скрипнула зубами и сжала пальцами подлокотники кресел. Что тут скажешь? Он прав.

Но я же следила за связующей огненной нитью, соединяющей убежища! Ее никто не пытался прорвать ни магией, ни человеческой кровью. Нападений не было!

А тайфуны, смерчи и потопаи огненная защита Роберта не сочла нападением. Значит, это не инсейская магия. Тогда что? И как это остановить?

– Знали и что делали? – мой голос сел. – Просто наблюдали, чтобы потом меня попрекнуть неисполнением долга государя?

– Уводили выживших, кого смогли, – примиряюще ответил Миар. Таррэ фыркнул и отвернулся. – Расселили их в предгорьях Белых гор, куда еще не добралась стихия.

Я склонила голову. Поблагодарила за помощь. И не смогла никому из них посмотреть в глаза.

Как же горько! Меня, как несмышленого мальчишку оставили играть куклами в песочнице, а сами... спасали моих людей. И даже словом не обмолвились!

– Почему я не получал донесений от границ о катастрофах? – глухо спросила я. – Есть же там крепости, гарнизоны... Я получал известия о ливнях и наводнениях, но не таких губительных. Обычные паводки. От меня целенаправленно скрывали масштаб происходящего?

– Уже некому было сообщать. Такие прорывы, какие показал Яррен, происходят стремительно... сир. – Ответил опять Миар. – И они как будто постепенно набирают силу. Сегодняшняя ночь была худшей! Самой разрушительной.

– Но это не военные действия инсеев? – продолжала я допытываться.

– Не совсем, – соизволил процедить Таррэ.

– Не понятно, – вмешался Яррен. – Я пытался проследить магический след атаки. Не обнаружил. Лишь попытку защитных чар со стороны западных царств. Они пытались поставить заслон стихии, но его сорвало, как паутинку.

– Молод ты еще и недоучка, Яррен фье Ирдари, чтобы делать выводы на основе одной поверхностной пробежки, – презрительно бросил белоглазый.

Полукровка и бровью не повел на оскорбление. Лишь его взгляд на высшего стал каким-то... сочувственным? Словно он смотрел на безнадежно больного.

Таррэ нервно дернул уголком тонких губ. Снисходительно пояснил:

– Ты не заметил, фье Ирдари, насколько тонко зеленые маги отводят мощь стихии на Гардарунт. То, что ты принял за обрывки их защитных плетений, – это хорошо замаскированные нити направляющей силы. Тонкие, гибкие и совершенно не подозрительные, совсем как водоросли. Но благодаря этим свойствам они принимают на себя удар и зеркалят его в восточном направлении. Шауны поступают еще хитрее с песчаными бурями, бушующими на юге Гардарунта. Туда ты еще не добрался, неуловимый ты наш?

– Не успел. – Мне нравилось, как отстраненно отвечал горец. Словно держал непробиваемый щит. – Желтая магия мне пока незнакома.

– О, неужели есть что-то в этом мире, что незнакомо нашему непревзойденному таланту? – всплеснул руками высший мастер интриг.

Ну хватит.

– Сиарей, – я перевела взгляд на ласха, до сих пор не проронившего ни слова. – Что скажешь?

Северянин изучающе смотрел на кристалл «зерна памяти». Поднял голову, и я поразились выражению его прекрасного лица. Впервые я видела на нем... злость.

– Скажу, что император Алэр очень дорожил секретным изобретением «зерен памяти», а теперь оно оказалась в руках Белогорья. Думаю, последствия этого будут не менее катастрофичны для Севера, чем природные катаклизмы для Запада.

Я сцепила пальцы на колене. Вот это открытие. Сиарей по-прежнему блюдет интересы своей родины? Разве ласх, поклявшийся в верности Рагару, не поклялся тем самым в верности Белогорью? Чего тогда стоит его клятва мне?

Или... хватит паранойи, мой король! Никто не выбирает, где ему родиться. Северянину просто не безразлична судьба его родины. У него все еще болит за нее душа. Как не будет безразлична судьба матери для сына, построившего себе новый дом.

Яррен убрал артефакт в карман и спокойно взглянул в глаза начальника.

– Такое «зерно» пока только в моих руках, командир Сиарей. Северу нечего опасаться, император Игинир осведомлен.

Я покосилась на вейриэнов. Слишком равнодушные у них стали морды прекрасных лиц. Именно так шулеры скрывают жгучий интерес к чужой карте.

– Ты не синий маг, Яррен. Как ты сумел сделать записи? – раздул ноздри северянин. – Только чистокровный ласх мог бы, а тебе никто из наших не помогал, насколько я знаю.

– Значит, ты кого-то не учел, – пожал плечами полуинсей. – Скажу больше. Для Севера открываются огромные возможности в торговле с горными домами. За каждый такой усовершенствованный кристалл горцы будут платить алмазами по его весу.

Я начала раздражаться. У меня тут королевство гибнет, а они какой-то кусок льда обсуждают!

– Сиарей, я спросил тебя о другом! – нахмурилась я. – Мне нужен совет, как остановить ураганы и ливни, будь это естественное явление или направленная магия.

Таррэ возвел глаза к потолку, словно я ляпнула несусветную глупость. Ненавижу!

Спокойно, Лэйрин. Ты же знаешь: он делает это специально. Ненависть гасит огненную кровь. Чтобы могло вспыхнуть черное пламя. Такое же зловонное, в каком сгорел труп матиссы Клирры. И тогда Таррэ с радостью и чувством выполненного долга уничтожит меня, как Яррен уничтожил черный прах.

Я не доставлю им такой радости, мой король.

– У меня всего двести ласхов, ваше всемогущее величество, – буркнул начальник моей охраны, заразившийся язвительностью у вейриэнов. – Мы не сможем заморозить такой массив воды, особенно, если распылить наши силы вдоль границы. И ураганы раскрошат наши бастии еще в процессе возведения.

– Пока земля королевства наполнена магическим огнем такой силы, то – никак, – отрезал Таррэ. – На границах будут усиливаться катаклизмы, враждебные соседи будут использовать стихию против нас. Тут никакой щит не удержит, ни огненный, ни белый, ни ледяной. Единственное, что можно сделать – отодвинуть границы, но тогда не избежать полноценной войны. И на это нет ни сил, ни денег. И это не спасет центр твоей страны, король Лэйрин. Дождей здесь уже две недели нет. Эта жара из чуда становится адом и оборачивается против Гардарунта. Трава скоро зачахнет, пшеница сгорит на корню. Вот и все чудо. А ты, король Лэйрин, хочешь еще усилить огненный дух всеобщим молебном! Вот шауны-то обрадуются новой пустыне!

Я проглотила и эту пощечину, мой король.

Сначала надо разобраться, понять...

– Мы думаем, сир, что превращение паводков в катаклизм прошедшей ночью не случаен, – тихо добавил Миар. – Тот фейерверк с огненным призраком Роберта, устроенный вами перед балом, послужил усилению стихии на границе. Инсеи через влияние церкви в Гардарунте пытались ослабить огненную магию не только ради победы царевны Соальен. Прежде всего,

они пытались спасти свои царства от разрушительных ливней, которые бушуют и на суше, и на море из-за вмешательства Роберта в природный цикл. То, что показал вам Яррен – сильная, но лишь малая часть происходящего.

– Рано тебе еще играть в бога, король Лэйрин! Хоть бы совета спросил у старших! – взорвался Таррэ, швырнул на стол свернутую в рулон бумагу. – К твоему сведению, я изъясился у кардинала Трамаса свиток с текстом всенощного молебна во славу Роберта Святого.

И бросил насмешливый взгляд.

Бровью не повела. Лишь покосилась на Яррена и пожалела, что мой личный рыцарь присутствует при моем унижении.

Но что если Таррэ говорит правду? До гордыни ли, если по моей вине гибнут мои люди? Сначала надо решить проблему, а уязвленную гордость полечу потом. Инитаэра – мое лучшее оружие против надменных высших мастеров.

И потом... Есть же у меня нормальные союзники, присягнувшие на верность!

– Сиарей, я понял, что на западных границах ласхи не помогут. А хватит ли ваших сил, чтобы поставить заслоны песчаным бурям?

Ласх задумался.

– Надо посмотреть вблизи на масштаб. До сих пор мы не воевали с южанами: нас разделяет слишком большое расстояние. Бывали между магами мелкие стычки на уровне дуэлей, не больше. Но они используют силу ветра, как и мы.

– Управляют песчаными массами, – поправил Таррэ.

– То есть, создают поток, – пожал плечами Сиарей. – То же и с воздухом. Принцип одинаков.

– Но что делать с засухой в центре? – прошептала я себе под нос.

Не только маги, сама природа против меня!

И вздрогнула, когда над ухом Яррен сказал так же тихо:

– Столкнуть потоки по касательной, чтобы одна сила подхватила другую, изменила ее движение в узловой точке и направила дождевые тучи вглубь страны прежде, чем они прольются на границе. В рукопашной борьбе этот прием называется «Бросок триады», мастер Рагар наверняка вам показывал, мой король.

Таррэ, естественно, услышал. Повернул голову и вздохнул как-то совсем по-отечески:

– Лучше бы ты вернулся в горы, Яррен.

– Я и вернулся, – ответил полукровка. – Мой король – здесь. И, насколько мне известно, четверо из высшей семерки белого воинства – тоже здесь. Так где еще быть Белогорью, как не здесь же? А что принимают за горы остальные лорды и вейриэны, мне не интересно.

Еще час вместо обеда мы сидели над картами.

Впервые на моей памяти вейриэны проводили при мне настоящий военно-магический совет.

Я выступала в роли слушателя и держателя королевской печати. Не сомневаюсь, что для вмешательства в дела королевства Семерке не нужны никакие договоры, указы и печати, но на этот раз они сделали исключение: пошли по официальному пути.

Слишком я встревожила их своими огненными инициативами.

Сумасбродством, как съязвил лорд Антаре. Этак, мол, и до деспотии недалеко.

И это они еще не в курсе, что я сделала с неприступным бастионом Ордена святой Мари-ньеры!

Или в курсе?

Можно ли хоть что-то утаить от белых воинов и духов Белогорья?

Остаются ли для них тайной мои фантомы?

А «карманы времени»?

Никто из них ничего мне не скажет, разумеется. А значит, буду действовать так же, как прежде. Но еще осторожнее.

– Ваша сила понадобится вот тут и тут, мой пламенный король, – Сиарей показал точки на карте.

– Только в случае, если не хватит той силы, которую сумасброд Роберт так щедро плеснул в никуда, то есть, в землю, – фыркнул Таррэ.

– Согласен, – не стал спорить северянин. – Если, как предлагает Яррен, правильно столкнуть теплый и холодный фронты воздушных масс, то дожди выпадут там, где нужно нам. Отгоним туда, где засуха.

– Или в шаунские пустыни, и тем ослабим желтую магию, – предложил Яррен.

– Идеально, – оценил замысел Миар. – Уже сегодня мы сможем прекратить наводнения.

– А наш король пусть развлекается на отборе, – тут же укусил Таррэ. – Не царское это дело – своими руками подданных спасать.

Я дернулась. Горячая волна, поднявшаяся изнутри, опалила мне горло, и я ни слова не могла сказать в свою защиту. Разве он не прав?

– Вы правы, мастер, не царское, – взгляд Яррена, которым он одарил высшего вейриэна, стал угрожающим, как надвигающийся айсберг. – Государь – символ страны, ее знамя, ее сердце. Ни один монарх и даже ни один маршал лично не присутствует на поле боя. Для таких задач существует его армия. И Белогорье по договору – это армия Гардарунта. Разве не так?

– Что? Белогорье никогда не носило тапочки для отступников Ориэдра! – Взвился белоглазый. – Этой ереси тебя учил Рагар? Тогда он тоже отступник!

– Это мой вывод из чтения копий тех договоров с королями Гардарунта, которые мы изучали в Школе боевых искусств. И присутствие в Найрэосе вас, высших белых мастеров, этот вывод подтверждает.

Неправильное умозаключение, не для того тут бдит Семерка, но я промолчала, само собой.

– Кроме бумажной шелухи, существуют еще секретные магические договоры! – усмехнулся Таррэ, скривив тонкие губы. – Их в школьных библиотеках нет и не будет. Доучился бы, знал.

– Не отвлекаемся! – осадил спорщиков Сиарей. – Мы уже сегодня, уже сейчас можем прекратить катаклизмы! Белые мастера направят воздушные потоки, Яррен поможет с водными, мы наморозим препятствия на пути песчаных смерчей. Пески напитаем водой, заморозим и используем как дамбы. Главное – целенаправленно пригасить огненную магию на избранных участках.

– А после мы уравновесим влияние магий, и хаос прекратится, – кивнул Таррэ.

Все правильно, мой король, – думала, изучая карту с появившимися на ней синими, красными и белыми стрелками.

Твой щит стал слишком тяжел для твоей земли. Но если он станет не монолитом, а сетью, способной, когда надо, превращаться в плотное полотно или собираться в узлы силы на нужных участках... Это идеальное решение.

Что ж, инсеи, со своими магическими «водорослями», даже не предполагали, что и я могу у них поучиться. Надо будет снова отправить на западную границу моего личного рыцаря. Пусть взглянет пристальнее на «водоросли» и мне расскажет.

И мы с тобой, мой король, сможем вместе держать такую огненную сеть. Облегченную, но по-прежнему покрывающую все королевство. И хранящую твой дух.

Айшери – нить души. Лайсе – нить сердца. И третий этап обряда айров – Ноиль, нить жизни.

Ты будешь жить, Роберт!

Подпись. Печать.

Приказ снять копии с подписанной карты. Вручить Миару и Сиарею, пусть действуют.

Указ командующему гардарунтской армией, маршалу Гроссе, об эвакуации людей с приграничных территорий на западе и юге.

Указ о пограничных заставах.

Указ о снабжении регионов бедствий.

Указ о переводе приграничных территорий в режим чрезвычайных ситуаций.

Указ о назначении девятнадцати рыцарей из моей команды – тех, кто получил вчера призы с измененными рубинами – представителями короля с широчайшими полномочиями в главных городах близ границ королевства.

Они станут моим голосом, моими глазами и ушами. Чтобы больше никогда, никогда, никогда не допустить моего неведения и промедления.

Подпись, печать.

Подпись, печать.

Подпись, печать...

Глава 4. Королевские интриги

В зал заседаний я вошла уже совершенно спокойная, отринув все слабости и сомнения. Регентский совет еще не разбежался. Канцлер. Казначей. Онис, заменявший тут лорда Таррэ фьерр Антаре. Маршал Гроссе.

Даже кардинал еще не сбежал. Посмел бы он. По его правую руку, поигрывая сельтом, расположился вейриэн Онис, а по левую – грозный маршал.

При моем появлении все встали.

Сиарею в совет хода не было, но Яррен последовал за мной и встал за креслом.

Появление нового телохранителя не вызвало особого возмущения, но все задержали взгляды на усталом лице полукровки чуть дольше приличного. Особенно кардинал.

– Приветствую, фьерры. – Я прошла во главу стола и села в пустующее кресло. Дождалась, когда по моему знаку все займут свои места и бросила перед собой подписанную кипу бумаг. Кроме карты. Ее показывать кардиналу ни в коем случае нельзя. – Ознакомьтесь, фьерры, и одобрите. Таррэ уже одобрил.

Имя моего врага произвело нужный эффект на всех, кроме казначея. Тому даже Темная страна была не страшна. Кристально честный человек. Может потому, что казна пуста и красть уже нечего.

– Но где взять средства на это! – возмутился казначей, быстро просмотрев указы. – Мы на турнир и отбор последнее наскребли! А тут – переселение, кормежка, одежда, реорганизация застав. Куда беженцев расселять? На какие гроши?

– Деньги и место дадут Белые горы, мастер Таррэ занимается этим.

– А как же отбор? Отменяется? – ехидно улыбнулся вейриэн Онис.

Надейся!

– Ни в коем случае. Подданным как никогда нужна вера в стабильное будущее. Королевская свадьба послужит укреплению оной веры. Не так ли, кардинал Трамас? Вы, кстати, можете идти. Я знаю, что мастер Таррэ просил вас переделать текст молебна и согласен с его мнением.

Только не при инсейском шпионе говорить о моих планах и !

Слуга Безымянного пожевал губы, жадно глядя на кипу указов. Они до него еще не добрались, осели в руках казначея, который развернулся таким образом, что Трамас так не мог заглянуть в бумаги.

– Вам стоит поторопиться, ваше чистейшество, – надавила я. – Боюсь, вы опоздаете получить последние новости из монастыря святой Мариньеры. Вам еще его новую настоятельницу выбирать.

Побледневшего кардинала как ветром сдуло.

Герцог Холле тут же вручил мне список невест.

Я вздохнула. Прав Таррэ. Мне надо военный совет собирать, а я тут... как мышь в мышеловке – глупо дергаюсь, пытаюсь избавиться от Регентского совета, сместить Таррэ...

С другой стороны, что сможет сделать военный совет в привычном для гардарунтской аристократии понимании? Война-то магическая. Тут привычные стратегии и тактика не годятся.

Я развернула свиток.

Имя княжны Инитаэры, стоявшее на первом месте, было вычеркнуто. Теперь список возглавляла царевна Соальен, затем шла леди Сиаль,

Я взяла перо, погрызла в раздумьях его кончик и, решившись, вписала вместо Инитаэры имя княжны Айрани.

Прости, мой личный рыцарь Яррен фье Ирлари. Почти поцелуй, рассветы над рекой, твои переменчивые глаза, цепляющие душу, мои глупые надежды на нормальную девичью жизнь –

это все будоражит мою огненную кровь, ей это нравится. Но к демонам романтику. Короли-романтики долго не живут, а мне надо выжить.

– Посольство аринтов выдвинуло другую кандидатуру в королевы Гардарунта, – пояснила собранию. – Кто-то против?

– Белые горы против, – сказал Онис. Но как-то вяло, без огонька, лишь бы возразить.

Но это было не единственное изменение в списке. В самом конце, после вписанного мной ранее имени Лилианы фьерр Холь, чьей-то рукой были начертаны еще два имени.

– Таньяра Дивой, дочь командира Тамия, – зачитала я вслух. – Что еще за Таньяра?

– Дочь командира Тамия, написано же, – усмехнулся Онис. – Ласхиня из отряда Сиарея. Подала заявку по всем правилам. Оплатила участие по турнирным расценкам. Судя по взносу, ее отец высокого ранга.

– Конечно высокого, он командир, написано же, – вернула я колкость.

– Тамий родом из асаров Заполярья, – снизошел Онис до пояснений. – Его род принадлежал к сильнейшим и старейшим из ласхов. С ними считался даже император Алэр. Командир Тамий – асар, и его дочь – асара. Ее участие – честь, которую оказал Гардарунту Север.

Вот так сюрприз! Значит, ласхи решили поддержать меня? Прекрасно. Против кого играют? Против Сиаль или Соальен? И почему Сиарей даже словом не обмолвился? Интриганы северные! Как будто мне своих мало!

– Леди Исабель фьерр Лескар, – прочитала я следующее имя.

Герцога Лескара я знала. Он владел обширными поместьями и виноградниками, герцогство на юге граничило с шаунами. По слухам, его состояние ничуть не уменьшилось после бегства шаунов из Гардарунта. Леди Исабель – его дочь? Но разве она не на севере...

– Прошу слова, ваше величество, – вмешался Яррен.

– Говори, младший лорд Ирлари, – дозволила я. И титул упомянула совсем не случайно.

– Леди Исабель была фрейлиной вашей сестры, принцессы Виолетты, и уехала в ее свите в Северную империю. Леди не могла вернуться в Найреос!

– Почему? Значит, принцесса освободила ее от службы. Причина достойная, – возразила я. – Леди Исабель – знатная девушка, представительница старой аристократии Гардарунта.

И я с укоризной взглянула на герцога Холле. А ведь он говорил, что, кроме Лилианы, других кандидаток не будет!

– Не такой и старой, – поморщился канцлер. – Лексары относятся к новой крови. Да еще и смешанной с южанами. Они поднялись после того, как первый огненный король Астарг завоевал шаунские степи и оттеснил желтых магов в пустыни. Предок Лексаров был из южных пастухов-шаманов, он женился на гардарунтской дворянке. Но после старшие сыновья его рода всегда брали в жены южных женщин с шаунской кровью. Король Роберт прежде, чем подпустил потомственную шаунку в свиту дочерей, взял с юной леди Исабель кровную клятву не применять магию и не злоумышлять против него и принцесс. И обновил клятву перед отъездом на Север.

– Все так, ваша светлость. – Кивнул Яррен. – Но не это главное. Леди Исабель не...

– Остановись, Яррен, – резко приказал вейриэн Онис. Даже ладонью по столу хлопнул, словно букашку раздавил. – Мы с мастером Таррэ проверили леди Исабель прежде, чем принять ее заявку. С ней все в порядке. Она вернулась домой, и ее отец, герцог Лескар, сегодня представил Регентскому совету свою дочь, как участницу отбора.

Полукровка несколько секунд неверящим, тяжелым взглядом смотрел в такие же неподвижные глаза высшего белого мастера. Словно две ледяных скалы столкнулись.

Первым глаза опустил Яррен. Скривил губы.

– Конечно... мастер Онис.

А ведь полукровка говорил мне! – вспомнила я. Он предупреждал, что из трех фрейлин Виолетты не выжил никто!

«Ни одной фрейлины, сопровождавшей принцессу в империю, уже нет в живых», – говорил он.

«Для всех они живы, но это уже не они. Я могу это видеть. Остальные – нет», – говорил он.

Значит ли это, что даже высшие белые мастера не так проницательны, как этот глазастый горец-инсей-вейриэн, точнее, всего лишь ученик вейриэна, пусть лучший?

Да быть такого не может!

А значит, Онис лжет. Не все в порядке с леди Исабель.

Вот и Рамасха говорил в послании о свите Виолетты: «Все три девушки, вероятно, погибли. Одна погибла точно. Две, как выяснило следствие, похищены Темной страной».

Так погибла Исабель или была похищена? От темных, как говорят все летописи и хроники, никто никогда не возвращался.

А Исабель вернулась.

И Семерке надо, чтобы она участвовала в отборе.

А мне-то это зачем?

И только я хотела вычеркнуть подозрительную кандидатуру, как подал голос маршал Гроссе:

– Это хорошо, что молодой крови Гардарунта будет дан равный шанс со старой аристократией. Южане очень щепетильны в таких вопросах, как уважение и достоинство. Даже если их представительница не выиграет, они не забудут оказанную честь и доверие огненного короля.

Да чтоб вас!

И я, изменив траекторию пера, размашисто подписала список допущенных:

Княжна Айрани Лиарская

Царевна Светлых вод Соальен

Леди Сиаль фьерр Антаре

Баронесса Лилиана фьерр Холь

Асара Таньяра Дивой

Леди Исабель фьерр Лескар

Не густо. Не слишком-то популярен в народе король нищего государства. Зато невесты – как на подбор! На первый взгляд.

Шесть имен, пять магий плюс один не-маг.

Или четверо живых девицы и две неживых, если Исабель мертва.

Но мертва ли?

Очень необычный отбор.

Перед аринтами стыдно, конечно. Они искренне считают мою Айрани своей представительницей и будут счастливы всем населением, что породнятся с огненной кровью! Может, откупиться? Отдать им Берту в княгини, глядишь, перевоспитают монашку?

Беатрис нельзя к аринтам, она у них предводительницей станет и вылепит лесной народ под себя, приучит честных и добрых берсерков к разбою, весь Эальр взвоят.

Нет, буйную Бес надо направить в стан врагов. Например, тут один инсейский царевич злоумышляет, и я не Яррена имею в виду. Уж с Даэлем-то Беатрис справится. Или расправится, что тоже неплохо.

Подумала и зачеркнула слово «Баронесса» перед именем Лилианы и написала сверху «Герцогиня».

– Ваша светлость, – обратилась я к канцлеру. – Если не ошибаюсь, поместье покойного барона фьерр Холь граничит с герцогством Виннибор?

– Так точно, ваше величество. Деревенька Холь на самой границе, но не в составе герцогства.

– Надо это исправить. Даже имени предателя Виннибора не должно остаться на картах моего королевства. Прикажите секретарю подготовить мой указ и внесите записи в реестры. Отныне все земли бывшего герцогства Виннибор входят в состав нового герцогства Холь и являются владениями леди Лилианы, дочери покойного барона фьерр Холь и приемной дочери покойного рыцаря, сэра Лоргана.

– Это правильно, ваше величество, – поддержал канцлер. – На земли, оставшиеся без хозяйской руки, уже соседи заглядываются, того и гляди междоусобица начнется. А там, глядишь, герцогиня замуж выйдет, будет кому земли защитить.

И старик хитро взглянул на меня, мол, за короля бы ей замуж-то...

– Герцогиня фьерр Холь, как круглая сирота, отныне находится под моим королевским патронажем, – заявила я. – и устройством брака теперь уже самой богатой невесты королевства я буду заниматься лично. Разумеется, если она не умудрится выиграть завтра отбор и не станет королевой Гардарунта.

Не станет. Зря старик надеется. Она тетиву лука в жизни не натянет и в мишень не попадет даже на расстоянии вытянутой руки. В отличие от остальных в списке.

Указ был готов через пять минут.

Подпись. Печать.

Глава 5. Обед с Ярреном. Взаимные открытия

Если мой предшественник на троне любил устраивать пышные застолья с приближенными (успевал соскучиться по звукам человеческой речи в своих «карманах времени»), то я полностью игнорировала традицию кормить подданных крошками с королевского стола.

Из экономии времени, а не из жадности, как ходили гнусные слухи.

Пока повара приготовят десять перемен блюд на завтрак и двадцать на обед, пока сервируют стол, разложат бесчисленные ложки-вилки-салфетки... уже и вечер наступит, и пора на ужин накрывать.

Искусством мгновенно исчезать из поля зрения лорда-камергера и его стольников и кравчих я овладела в совершенстве. Чаще всего сбегала в библиотечную башню, мимоходом забирала корзинку из кухонного камина и наслаждалась в «кармане» полным одиночеством, книгами и дневниками огненных королей.

Но сегодня реальность не давала передышки.

Покидать дворец нельзя. В любой момент Сиарей и Таррэ для нашей контр-атаки.

И надо было успеть расспросить Яррена о леди Исабель. Если от темных никто никогда не возвращался живым, то понятно, почему Семерка заткнула рот Яррену. Чтобы не спугнул. Получить в свои руки вернувшуюся от темных шаунку – это бесценно!

Два дела пришлось совместить: обед и Яррена.

Приказала личному слуге следовать за мной в покои Роберта, которые теперь стали моими, достала из огня камина несгораемую корзинку дворцовой кухни и поставила перед полукровкой:

– Обойдемся без слуг. У нас слишком мало времени для церемониальных приемов пищи. Разложи еду, старший ученик моего учителя, и садись за стол. Вряд ли ты завтракал сегодня.

Яррен взглянул своими изменчивыми глазами так удивленно-благодарно, что я почувствовала себя стоящей нагишом под радостно-синим-золотым водопадом его признательности. Ошеломительное ощущение.

С трудом погасила свои вспыхнувшие жаром щеки, уставилась на тарелку в его ловких руках с тонкой нарезкой ветчины, сыра и ломтями хлеба. Затем на стол был выложен горшочек с ухой и огромными кусками жирной стерлядки. Завернутая в листья салата и тонкую лепешку жаренная на огне вырезка из свиной шеи. Печеные овощи. Кувшин с яблочным компотом. Главный повар Дошан никогда не присылал мне вино без особой просьбы – знал, что оно для меня как вода, только хуже. Яды в моей крови сгорали моментально.

– Сначала поешь, – прервала я горца, едва он, разложив еду по тарелкам, попытался приступить к рассказу.

Ел он быстро, но красиво, как тогда, на берегу реки, когда угощал меня ухой. Я залюбовалась. Но старалась не пялиться и бросала взгляды украдкой. Забавно, что второй раз я разделяю с ним трапезу, и оба раза это рыбная уха.

Глупости какие лезут в голову! Разве в моей несчастной голове, занятой магией, катаклизмами, политикой, интригами и войнами... отборами, в конце концов... есть еще место, куда могут пролезть всякие нелепые мыслишки?

Заметив, что гость утолил голод и с сомнением поглядывает на еще один кусочек жаркого, я кивнула:

– Теперь говори. Почему ты сказал мне, что ни одной из фрейлин Виолетты уже нет в живых? Более того, ты говорил, что они для всех живы, но это уже не они. И больше никто этого не видит. Неужели даже могущественная Семерка этого не увидела в Исабель?

Яррен медленно поднял на меня взгляд, ставший вдруг темным, непроницаемым.

– Я... сказал вам... сир...

И кровь отхлынула от моего лица.

Я вспомнила: он говорил эти слова не мне-королю, а мне-Айрани! В карете, перед турниром.

– Хм... Княжна Айрани передала мне перед балом твои слова. Кроме того, что-то такое дал знать император Игинир в своем послании, – сделала вид, что пытаюсь вспомнить. – Да, точно, он упоминал, что провел расследование и установил гибель одной девушки, а две похищены темными. Это так?

– Это так. Первой погибла леди Марцела. Это достоверно известно. Но император Алэр пытался убедить свою невесту, что ее фрейлина сбежала и он ее поймал и вернул. На самом деле он создал ее ледяную копию, с трудом отличимую внешне от погибшей, и оживил. Ласхи называют такое существо – снежить. С помощью «зерен памяти» Алэр дал ей подобие разума. *

*# * Все события, о которых рассказывает Яррен, и многие другие описаны в книгах «Любовь и корона» и «Любовь и лёд», 4-5 книги цикла «Лорды гор»*

– Ласхи обладают магией такой божественной силы?

– Алэр обладал. Но это не божественная сила, сир. Это темная сила Азархарта. Та сила, которой он поднимает мертвых. Император Севера, словно раб, был заклеен печатью темного владыки. Через нее Алэр и черпал силу для создания снежити.

Я ужаснулась про себя. Неужели фантомы, созданием которых я так гордилась, – тоже результат дара моей темной половины крови?

Но тут же подумала, что Роберт создал Дорри, а у огненного короля ни капли тьмы в крови не текло!

– А с леди Исабель, – продолжал мой гость, не догадываясь о том, какие муки я только что испытала. – Алэр поступил иначе, еще чудовищнее. Он провел с ней брачный обряд, как с подменной невестой.

– Что? Ты уверен? Тогда получается, она замужем?

– Строго говоря, уже вдова. Есть свидетель их чудовищного брака. Есть «зерно памяти» с тайной записью ритуала. А потом, не сходя с алтаря, шаунка Исабель попала в руки самого Азархарта. В этом нет никаких сомнений.

– Мог ли темный владыка отпустить ее живой?

– Я ничего не знаю об этом. Если это случилось, то случилось впервые.

«Жизнь ничего не знает о смерти...»

Впервые у Темного владыки родилась дочь...

– Но я знаю, – продолжил Яррен, – что присутствие рядом с вами леди Исабель или существа, которое выдает себя за нее, – огромная опасность. И я не понимаю, почему Семерка пошла на такой риск.

Я знаю, почему. Они хотят спровоцировать мою темную половину крови. И погасить огонь в моем сердце. Тогда они уничтожат такую проблемную меня, а младший лорд Дигеро фьерр Этьер станет единственным наследником огненного дара, и вся сила магии перейдет к нему. Отличный план.

Если ты позволишь, мой король.

И если я им позволю.

А если учесть, что Диго – обученный риэн, то соединение белой магии со украденным огненным сердцем будет происходить проще и быстрее, и Белогорье вернет былую мощь даже без Белой королевы.

Яррен разлил питье в чаши. Задумчиво покрутил в руках свою, разглядывая узоры. И вдруг застыл, а взгляд его стал неподвижным, даже длинные, золотистые на кончиках, ресницы замерли.

И я только хотела поинтересоваться какая мысль его оглушила, уж не заподозрил ли он Семерку в предательстве Белогорья... как и сама едва не поперхнулась глотком напитка.

Алая вспышка перед глазами.

Толчок сердца.

Узнавание.

Внезапно ожила почти забытая, но очень важная связь – дал знать о себе рубин в перстне, которым я расплатилась за услугу с главным мошенником королевства – таинственным Архивариусом.

Кольнул меня искрой света – кто-то развернул сверток с драгоценностью, но тут же прикрыл тряпицей. Поздно. Я успела сосредоточиться, наполнить силой невидимую огненную связь между мной и застывшей в рубине каплей моей магии. И явственно услышала чей-то густой, довольно молодой баритон:

– Так-так... Значит, плата короля за фальшивую грамоту лесной княжны наконец добралась до моих рук? И что там?

Красивый голос. Глубокий. Такими голосами священники поют гимны Безымянному.

– Рубин невероятной ценности, господин, – ответил второй, смутно знакомый голос.

Недавно я мельком его слышала... Где?

«Когда слушаешь отражения огня в своем сердце, нужно уметь различать их и запоминать. Люди сродни музыкальным инструментам, у каждого свой голос», – писал король Роберт несуществующему сыну.

Да. Отражения. Я слышала этот голос через факел, когда помощник Трамаса разговаривал с Ярреном, ожидая кардинала у моего кабинета. Как же его имя?

– Положи сверток на стол, потом посмотрю, – сказал Архивариус. – Лучше скажи-ка, зачем ты притащил мне эту вонючую обгорелую тряпку?

– Кардинал приказал сохранить эту рясу. Он надеется изучить следы, оставленные на ней магическим огнем, и найти ключик к силе огненной крови короля. Первосвященник обещал ему немыслимое вознаграждение. И я подумал что вы, господин...

– Дурак! Не стану к ней даже прикасаться! Если кардинал хочет исхитриться и поймать искру, пусть отправляется в монастырь святой Мариньеры. Там сейчас этих следов... Надеюсь, Трамас уже знает, что все три птички упорхнули, и его бездарные планы сорваны?

Так-так... Надо же, какая осведомленность у Архивариуса!

Я медленно цедила напиток из чаши, боясь шелохнуться.

Только бы Яррен не вздумал сейчас заговорить и все испортить!

Но уставший горец воспользовался паузой и откровенно расслабился, откинув голову на спинку кресла. Лишь яркая, пронизанная солнечными искрами морская синева поблескивала из-под его полуопущенных ресниц, показывая, что мой уставший личный рыцарь еще не позволил себе наглости уснуть в присутствии государя.

Вот и отлично.

– Знает, – между тем ответил собеседник Архивариуса. – А почему планы бездарные? Разве не вы советовали ему запереть принцесс в женском ордене, как заложниц, чтобы король Лэйрин был сговорчивее?

– Я говорил тебе, фрар Леан, посоветовать кардиналу надежно спрятать Лилиану фьерр Холь, если церковь не хочет, чтобы ее искренняя любовь усилила магию Лэйрина. И не моя вина, что он не нашел другого места, где птичка обзавелась такими интересными подругами. А насчет принцесс я ничего не говорил. Использовать их как заложниц – идея исключительно самого Трамаса! Делать из Берты монашку – глупо. А теперь, фрар Лиан, запоминай. Надо подсказать Трамасу, что Берте никак нельзя без духовного пастыря. Что через Берту и ее пастыря он сможет влиять на короля.

– А зачем нам усиливать влияние кардинала?

– Тем самым он еще сильнее настроит Лэйрина против себя. Жду не дождусь.

– Но как же, господин? Разве это вам выгодно?

– Мои руки должны остаться чисты. Пусть всю грязную работу по дискредитации и устранению Трамаса сделает сам король. Тогда Первосвященник заменит его на нашу кандидатуру.

– На кого? Разве не вы сами встанете во главе гардарунтской епархии, господин?

Пауза, наполненная какой-то странной энергией.

– Леан, посмотри мне в глаза. Уж не ты ли хочешь стать кардиналом? – вкрадчиво спросил Архивариус. – Не разочаровывай меня. Игрок никогда не встает сам на шахматную доску. Он двигает фигуры. И все, что могут они видеть и знать – тень от моей руки. Ты – тень моей руки в Гардарунте. Или ты хочешь стать ничтожной фигурой, которую всегда приносят в жертву, если партия затянулась?

– Нет, господин, нет... Быть вашей тенью – величайшее благо!

Еще пауза.

– Что ты скрыл от меня? Говори.

– Я... я не... Прости, господин! Мне удалось подслушать через мокрый платок обрывки разговора короля с кардиналом, господин.

– И ты молчал?

– Я не был уверен, что правильно понял... Помехи были очень серьезными. Вейриэны задействовали «Белый щит», а он даже в неактивном состоянии глушит нашу магию. Но кое-что удалось понять. Король подталкивал Трамаса к расколу! К отрыву гардарунтской епархии от истоков, от Первосвященника!

– Надо же... Умно. Сам мальчишка вряд ли мог придумать, как ослабить чуждую ему магию. Уверен, он действует по указке Белогорья. Но пока действует в нужном нам направлении. Леан, тебе надо сблизиться с Ярреном, наследником владыки Солнечного моря. Я должен тайно встретиться с ним. Посмотреть своими глазами, какую угрозу он представляет для наших планов. Пора выходить из тени, пока тень не поглотила нас. Идем, меня ждут.

– А что делать с рясой?

– Что хочешь. Верни Трамасу, выбрось на помойку или сожги. Я не буду пачкать об нее руки.

– А перстень? Вдруг кто увидит? Украдут же!

– Брось сверток в купель со святой водой и укрой фальшивым дном. Там никому в голову не придет искать.

И тишина залепила уши темной влагой. Бр-р-р... Ужасное ощущение. Словно щупальца спрута коснулись ушей.

Вот и дал ты мне ниточку, таинственный Архивариус. Близость к кардиналу, купель с святой водой... Так и подозревала, что только инсей мог так виртуозно подделывать старинные грамоты, состаривая чернила! Кто же ты? Священник? Епископ? Монах?

Я допила напиток и поставила сосуд на стол. Яррен распахнул глаза. Спал, паршивец! Нагло спал с открытыми глазами!

Или...

– Выспался? – усмехнулась я. – Тогда скажи, фье Ирлари, все инсеи могут подслушивать через воду?

Он ошеломленно моргнул.

– За всех не поручусь, – ответил. – Нужен определенный уровень силы, тренированный навык и правильный проводник.

– А ты можешь?

– Да.

– А тот мокрый платок, что ты передал вчера Сиарею, это был правильный проводник? Щеки пойманного с поличным горца нежно заалели. Прелесть какая.

– Да. Ваше величество. Я могу объяснить...

– Ты тоже подслушивал мой секретный разговор с кардиналом? – сощурилась я.

– Тоже? – Его взгляд плеснул морской волной. – Скорее, я мешал другому инсею его подслушать. И стал свидетелем разговора. Я сделал это не для того, чтобы подслушивать вас, ваше величество. А для того, чтобы незаметно подложить следилку кардиналу Трамасу.

– Кто тебе приказал это сделать? Таррэ?

– Никто. Мне подумалось, будет полезно знать о планах и действиях слуг Безымянного.

– Никто? Ложь!

Горец побледнел, вскочил, засверкал глазами, потемневшими до морской зелени.

– Сир! Я дал учителю Рагару слово никогда не лгать. И до сих пор ни разу его не нарушал.

Теперь уже я ошеломленно вытаращилась. Этот инсей, этот лжец по определению, этот пройдоха – никогда не лжет?!

Мне, дочери королевы лжи Хелины...

мне, жившей во лжи с рождения...

мне, лгущей каждый миг своей жизни...

мне даже смотреть больно на человека, утверждающего, что он НИКОГДА не лжет!

Как тогда он умудряется плести свои интриги?

Или... он никогда не лжет... прямо?

– Учитель Рагар говорил мне... – тихо сказал полукровка, – ...ничто так не развивает ум и находчивость стратега, как привычка никогда не лгать. Ни друзьям, ни врагам.

Я горько скривила губы.

– Меня он такому не учил. Предположим, я тебе поверю, Яррен фье Ирлари. Зачем тебе подслушивать кардинала?

– Чтобы выяснить планы церкви Безымянного насчет меня и знать, как далеко они намерены зайти. Мой отец начал действовать их руками. Они уже пытались и пленить, и завербовать меня. Это может помешать исполнить мою вам клятву. И, если я узнаю что-то еще полезное не только для меня, но и для вас, тем лучше.

Убедительно. Но как же я зла!

– Сообщи, если узнаешь что-то важное, младший лорд Ирлари.

– Боюсь, мой источник быстро иссяк. Платок уничтожен вместе с рясой кардинала.

Я задумчиво прищурилась. Вместе с рясой? Получается, мы оба слышали только что один и тот же разговор?

Поднялась, показывая, что обед закончен.

– Возвращайся в казармы, Яррен. Ты в любой момент можешь понадобиться Сиарею у границ. Сегодня моим личным слугой и телохранителем будет Эльдер. Да, чуть не забыл... Меня заинтересовали «зерна памяти». Все северяне могут записывать и сохранять то, что видят?

– Нет. Как не все маги могут слушать воду... или огонь. Сир, если я прощен, могу я... просить о милости?

Один раз прости инсея, будешь прощать бесконечно... Я кивнула, но бросила нетерпеливый взгляд на дверь. Дела не ждут!

Яррен снял с шеи шнурок с подвеской – турнирным призом – и протянул мне.

– Сир, все призы, которыми вы наградили победителей турнира, были с огненным рубином. Но вы потребовали, чтобы моей награде я вернул изначальное состояние. Прошу вас, мой король, такой же награды, как у остальных.

Он и это заметил! Как же раздражает!

– Чем ты не доволен? У тебя не хуже!

– Те рубины – ваша особая милость. Я видел подобный у принцессы Виолетты. Вы через огненный камень можете призвать рыцаря, им владеющего. Или услышать его. Или дать силу огня.

Или убить... – промолчала я.

– Я прошу такой же милости, если сочтете достойным, сир.

Я взяла подвеску, чуть коснувшись пальцами прохладной шершавой кожи его натренированной руки. Поддержала приз в ладони. И через минуту вернула окаменевший огонь этому отчаянному смельчаку. Сам напросился!

Яррен принял свою подвеску, как рыцарь – сжал приз в кулак и приложил к сердцу. Поклонился. А когда выпрямился, на его губах играла совершенно загадочная улыбка.

Вот что у него на уме, спрашивается?

Ушел, слава айрам.

Но уходя, полукровка вдруг оглянулся и сложил пальцы в вейриэнский знак единения – «Эман».

И я не раздумывая ответила таким же знаком.

Эман — и горы станут пылью, но не наш дух. Эман — я с тобой, ты не один. Эман — верь, и мы победим.

Эман...

И опять на меня нахлынуло чувство узнавания и близости, как тогда, когда я впервые увидела из окна незнакомого светловолосого горца, так непохожего на остальных.

Чувство плеча. Даже на расстоянии. Любом расстоянии.

Дух учителя Рагара связал его учеников друг с другом сильнее, чем мне бы хотелось.

Вру. Для меня эта связь неожиданно стала самой важной. Рукой помощи. Того, кто не лжет. Того, кто не предаст. Эман.

Но мне до спазма в горле хотелось, чтобы в глазах первого ученика Рагара отражалась я сама, дочь Хелины и Азархарта, а не король Лэйрин и не придуманная мной Айрани.

Для этого надо стать самой собой.

Но какая я?

И каким взглядом посмотрит тогда Яррен, младший лорд горного дома Ирлари, на такую меня? Враждебным, как на смертельного врага Белогорья? Или брезгливым, как на сгнивший труп матиссы ордена мариньерок?

– Эльдер, можешь высунуть нос, – сказала я в пространство. – Видишь, ничего не случилось с твоим любимым инсеем. Я его не съел, даже не понакусывал.

– И хорошо, а то подавился бы, а где мне еще такого прекрасного короля взять?

– У меня есть еще экземпляр в убежище. Кстати, пора бы заняться его судьбой, женить надо парня, пока от рук не отбился. Какие покои отведены нашей милой Айрани?

Дракончик, зевая, выполз из спальни в холл с камином. Шмякнулся попой на ковер и фыркнул на угли, взметнув ледяным дыханием сноп искр. Из них тут же сформировалась огненная пасть Дорри, щелкнула клыками, но, покосившись на мое недовольное лицо, схлопнулась в уголек.

Всё бы им играть! Живой маг и неживой фантом. Лёд и пламя. Лучшие друзья. С ума

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.